

М.В. Панов

**Энциклопедический словарь юного
филолога**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
М11

М11 **М.В. Панов**
Энциклопедический словарь юного филолога / М.В. Панов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 360 с.

ISBN 978-5-458-39335-5

Словарь в доступной и занимательной форме знакомит с основами языкознания - науки о языке. В нем рассказывается о законах развития языка, различных языках народов мира. Главное внимание уделяется русскому языку. Читатели узнают также о проблемах, которые решает современная наука о языке, и о выдающихся ученых-лингвистах. Словарь призван воспитывать у учащихся чувство гордости за свой родной язык, уважение к языкам народов мира как огромной исторической и культурной ценности, поможет в выборе профессии. Для школьников среднего и старшего возраста.

ISBN 978-5-458-39335-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОЛОГАХ

Этот энциклопедический словарь создан усилиями коллектива крупнейших специалистов в области языкознания, обращен он к молодым читателям, нынешним или вчерашним школьникам, проявляющим интерес к одной из древнейших гуманитарных наук — к филологии, вернее, к ее языковедческой части.

Пусть не покажется преувеличением, если я скажу, что в предлагаемом читателю словаре содержится множество разнообразных сюрпризов. Думаю, все согласится с тем, что всякое новое знание о предмете или явлении можно приравнять к ценному приобретению или приятному подарку. Что касается неожиданности, то она тем более заметна и ощутима, что все мы с детства владеем языком, легко его усваиваем и — оказывается! — мало его знаем и почти ничего не можем о нем сказать. Что такое язык? Как он устроен? Как развивается? Из каких частей состоит? Как взаимодействуют эти части? Как связан язык с деятельностью человека? Возможно ли совершенствование языка? На все эти и многие другие вопросы и должен ответить, по замыслу редколлегии, составителя и авторов статей, Энциклопедический словарь юного филолога.

История каждой научной дисциплины знает два способа подхода к изучаемым явлениям. Один способ, очень решительный и смелый, направлен на то, чтобы свести всю пестроту и многообразие фактов мира, природного или общественного, к одному закону, одной формуле, одному понятию. Так, древнегреческий философ Фалес из Милета считал первоосновой всего сущего воду, для Гераклита единым первоначалом всех вещей был огонь, для Дарвина причина эволюционного развития живой природы заключалась в естественном отборе.

Если обратиться к истории лингвистики, то к ученым этого типа можно было бы отнести отечественных языковедов Потебню и Бодуэна де Куртенэ, швейцарца Соссюра, датчанина Ельмслева, немца Бюлера и многих других. Не следует думать, что названные ученые не знают фактов, избегают их или в них не нуждаются. Без фактов наука не может существовать, это ее воздух. Тут дело в научном устремлении: в поисках преимущественно общих закономерностей необходим отлет фантазии от очевидной данности и некоторое отвлечение от добытых наукой фактов. Научная теория на них опирается и в них берет свой теоретический разбег.

Другой способ, более скромный, не столь броский, как первый, состоит в тщательном собирании фактов, скрупулезном их описании и систематизации и не предполагает скорого достижения окончательных результатов, хотя конечная цель его та же: объединить пестрое многообразие явлений, физических или социальных, в единую систему. Линней стал всемирно известным ученым потому, что снабдил науку о растительном и животном мире простой системой и точным языком, хотя сам сознавал, что этим не исчерпывалась главная задача предложенной им классификации.

Может быть, именно среди ученых-языковедов этого типа с наибольшей силой и наглядностью проявляется любовь к основному предмету изучения — к Слову. Разве не показательно, что сам термин «филология» прямо заявляет об этой любви (греч. *philo* — «люблю» и *logos* — «слово»). Факт весьма примечательный и поучительный: любовь была возведена первыми «словесниками» в принцип познания избранного предмета, что налагало на них определенные нравствен-

ные обязательства: бережно относиться к слову, к языку вообще, стремиться обнаружить в них сокрытые объективные ценности, изучать запечатленное слово непредвзято, ничего ему не навязывая силой, стремясь сохранить — даже иссекая из текста — его живую ткань, самозабвенно и до конца отдаваясь своему увлечению.

Второе направление, которое я назвал более скромным, буквально сверкает блестящими именами: рыцарской верностью и преданностью Слову отличались Даль и Срезневский, Щерба и Виноградов, Пешковский и Винокур и многие-многие другие.

Оба способа изучения нужны науке. Более того, они необходимым образом дополняют друг друга, часто объединяются и переплетаются даже в деятельности одного ученого. Однако обыденное сознание их разделяет, и тогда получается, что за конкретную науку представляет не один образ ученого, а как бы два.

В силу разных причин, а главное по неосведомленности о целях, задачах и методах филологического знания, в нашем представлении складывался не очень ясный образ ученого-книжника, кабинетного одиночника, неспешно работающего над старинными, мало кому известными, неизвестно кому нужными текстами, над составлением грамматик диковинных языков и словарей, содержащих такое количество слов, знать которые не дано ни одному человеку в мире.

Филология в старом ее понимании — это «служанка при тексте», но роль филолога вовсе не служебная и не вспомогательная. Текст — это памятник культуры, а память для человека как существа мыслящего после восприятия является едва ли не самым необходимым даром, и там, где она отсутствует, все остальные наши способности можно считать, вероятно, бесполезными. Поскольку текст обнимает слишком многое, то и расшифровка его может быть сделана только человеком, владеющим данной культурой, в которую входят язык и письменность, нравы и обычаи, характер одежды, тип поселений, постановка воспитания, общественно-политическое устройство, организация трудовых процессов, армия, судопроизводство, техника, искусство, религия, наука, этикет, семейные отношения, характер потребления духовных ценностей, уровень производительных сил, специфика производственных отношений и многое другое.

Представление о филологе-языковеде как об ученом-затворнике в корне ошибочно. Стремление к контакту с живыми носителями языка, к полевым исследованиям всегда было характерно для языковедческой деятельности, научной и практической. Не случайно, что освоение новых континентов и стран сопровождалось открытием новых языков и стимулировало развитие своих собственных, не удивительно, что миссионерская деятельность требовала изучения неизвестных наречий, что археологические экспедиции не обходились без помощи специалистов по древним письменностям, поучительно, что сельские учителя часто были великолепными знатоками родной речи и прославились как ученые.

История рассказывает нам, какое значение имели лингвистические труды в период Великих географических открытий и колониальных завоеваний. Вот какую оценку дал духовник испанской королевы Изабеллы «Грамматике» Антонио де Негрихи, выпущенной им в свет в год открытия Америки (1492): «После того как Ваше Величество повергнет к своим ногам многочисленные варварские племена и народы с чуждой нам речью и в связи с тем, что в результате этой победы покоренные народы должны будут узнать законы победителей и вместе с ними наш язык, они смогут познакомиться с ним при помощи настоящей «Грамматики».

Наука движется с помощью внутренних и внешних импульсов. Первые исходят из внутренних потребностей самой науки и иногда действуют даже без достаточно ясной цели в смысле практического применения добытых результатов. Вторые определяются теми запросами, материальными или духовными, которые выдвигает общество. Соединение этих импульсов делает науку полнокровной, жизнеспособной, жизнестойкой и здоровой, а занятие ею — счастливым занятием. «Зная, как привольно, свободно и радостно живет в научной области, — писал Менделеев в предисловии к «Основам химии», — невольно желаешь, чтобы в нее вошли многие». Это относится ко всем наукам, в том числе и к языкознанию.

Языкознание — одна из тех гуманитарных наук, в которых существенные виды деятельности часто обуславливались прямыми задачами общественного развития. Это особенно ясно можно показать на примере советской науки о языке.

Народ дореволюционной России в основном был неграмотным. Из 130 языков коренных народов страны едва ли полтора десятка имели письменность и литературные языки. Теперь их насчитывается свыше 70, а букварь имеют 90 народов. Процесс создания письменностей продолжается. Все это создается нашими языковедами.

Как показала Первая Всероссийская всеобщая перепись населения в 1897 г., грамотность населения в целом по России составила всего 21% (четыре из пяти не умели ни писать, ни читать!), а в Средней Азии — 1—2%. За десятилетие увеличение грамотности в Европейской России составило в среднем 4,2%, на Кавказе — 1,1%, в Сибири — 1,3%, в Средней Азии — 0,4%. По официальным подсчетам («Из итогов Первой русской всеобщей переписи»), при таком темпе роста предполагалось, что достижение сплошной грамотности станет возможным в Европейской России через 120 лет, на Кавказе и в Сибири — через 430 лет, а в Средней Азии — через 4600 лет. После Октябрьской революции неграмотность была ликвидирована в невиданно короткие сроки. Партия и правительство придавали этой работе значение первостепенной государственной важности. Уже в годы первой пятилетки были выпущены не только первый отечественный подшипник, первый трактор, но многие народы получили первые букварь. В отдаленных районах Востока и Севера страны вслед за геологами-разведчиками, геодезистами и картографами шли учителя родного языка с букварями и первыми учебниками родного национального языка. Чтобы дать представление о размахе культурно-языкового строительства и его темпах, приведу только один пример. Письменность для киргизского языка была создана в 1924 г. В 1982 г. (менее чем через 60 лет!) появилось несколько томов Киргизской советской энциклопедии!

Советские филологи не только осуществляли крупномасштабную работу по языковому планированию и строительству, по созданию грамматик, словарей, орфографий и терминологий, но и внимательно занимались технографией вновь создаваемого письма: числом штрихов в букве, числом отрывов от бумаги в букве и в связанном письме, направлением штрихов, выходом штрихов за строку, удобством штриха для связи с другими буквами и даже восприятием буквы в боковом поле зрения. Причем этим занимались крупнейшие языковеды страны, генераторы языковедческих идей, выдающиеся знатоки национальных — часто чужих для них — культур, энтузиасты и бесстребники, люди безупречной научной честности, всегда готовые к смелому трезвому поиску и видевшие цель своего творчества в самоотдаче во имя общего дела.

Вот и судите теперь, можно ли уподоблять деятельность языковеда работе кабинетного затворника или полезной, но одинокой должности смотрителя маяка на маленьком острове в далеком море.

Многие люди, знающие о филологии понаслышке, не только не могут представить себе реальный, живой образ филолога-языковеда, но имеют весьма смутное представление о предмете его занятий. Отсюда ряд заблуждений, недоразумений и даже предубеждений. Одно из распространенных заблуждений состоит в том, что науку о языке — языкознание — смешивают с изучением языка в практических целях. Рыболов — это еще не ихтиолог, а знаток языков — еще не языковед, и общее писательство о языке — тоже не научное исследование.

Чтобы изучать язык научно, необходимы многие знания и умения. Лингвисту следует быть знакомым хотя бы с основами или элементами акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии... Яркий пример единства наук о человеке!

Здесь же создаются перекрестки научных путей, которые открывают новые научные связи: психолингвистика, лингвогеография, социолингвистика, этнолингвистика, инженерная лингвистика, математическая лингвистика, лингвостатистика, философия языка, лингвостилистика. При этом лингвистика как таковая, как наука единая, не только не теряет мощи и своеобразия своих методов, но, обогащаясь сама, щедро делится ими с другими науками, и не только гуманитарными, но и естественными.

Несколько лет тому назад кому-то пришло в голову разделить людей интеллектуальных занятий на «физиков» и «лириков». По этому своевольному делению

филологи должны были быть помещены на ступеньке «лириков», и, разумеется, ниже «физиков», т. е. вообще представителей всех передовых, «положительных» наук.

Однако действительно передовые ученые (например, Планк, В. И. Вернадский и многие-многие другие) с великим почтением относятся к филологии, и почет этот постоянно возрастает. Одна из причин этой почтительности состоит в том, что, как было замечено, — правда, с некоторым запозданием, — любая научная проблема должна быть прежде всего сформулирована в языке и что язык занимает важнейшее место в познании и, следовательно, в человеческой деятельности вообще. Выражаясь образно, можно сказать, что сознание движется по свету вместе с языком, что словарь языка свидетельствует, о чем думают люди, а грамматика — как они думают.

Наука есть создание человека, так же как и язык, без которого нет науки. Выясняя законы окружающего мира, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму (В. И. Вернадский).

Занимаясь наукой о языке, человек может удовлетворить самые разнообразные свои потребности в соответствии со складом ума, характера, темперамента: от построения чисто умозрительных теорий, изучая язык как систему знаков, как средство человеческого общения, мышления и выражения, до сочинения поистине детективных сюжетов, возникающих в поисках исчезнувших языков и цивилизаций, от занятий в лаборатории, оснащенной чувствительнейшей современной аппаратурой, до хождения по деревням и селам с мешком за плечами в поисках золотых россыпей народной речи, от изучения поэтических текстов как одного из высших проявлений духа человечества и духа нации до работы с больными, страдающими расстройством речи, от исследования законов формирования строгого научного языка до выяснения природы детского лепета...

У языковеда, как и у любого другого ученого, период ровного увлечения сюжетом может чередоваться с вспышками озарений, в силу необходимости он волен менять конкретный предмет исследования и переходить от фонетики к фонологии, морфологии, словообразованию, синтаксису, от формальной стороны к смысловой, содержательной, от изучения предложения типа *Пожар!* к такому единому пространному тексту, как «Война и мир» Л. Н. Толстого или «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, от механизмов говорения к тайнам понимания и т. д.

Среди лингвистов встречаются и такие ученые, которые способны знаменовать новый этап развития науки, и эрудиты, готовящие факты для многочисленных фундаментальных описаний, и критики, способствующие движению позитивной научной мысли.

Конечно, как и во всякой серьезной науке, в ней не обходится без борьбы мнений и даже без методических перекосов, завихрений или увлечений модой, в ней напряженно, но все же сосуществуют архаисты, «староверы» и новаторы, а также сторонники различных философских и политических ориентаций. Как и всякая наука, языкознание знало периоды блестящих взлетов и временных застоев, которые затем сменялись прорывами на пути к истине.

В истории мирового языкознания наши отечественные лингвисты всегда играли заметную роль. Достаточно назвать имена таких корифеев языковедческой науки, как Ломоносов, Востоков и Потебня. Во всех сферах науки о языке наши лингвисты сумели сказать свое весомое оригинальное слово. Это касается таких важных теоретических проблем, как выяснение глубинных связей языка и мышления, языка и общества, общих законов языкового развития, формирования национальных языков и т. д.

В области описания языков мира и в особенности языков Советского Союза наша наука располагает первоклассными трудами, созданными учеными России, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и других республик.

Кроме исследования языков с давней традицией изучения (славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские и др.) вводятся в мировой научный обиход материалы и факты таких редких языков, как удэгейский, ульчский, орокский, негидальский, ительменский, кетский, юкагирский, нганасанский, нивхский, энецкий и др. Опираясь на общенаучные принципы марксистской философии, усвоив ленинское по-

ложение в области национально-языковой политики, советские лингвисты принимают самое деятельное участие в осуществлении языкового строительства, соответствующего требованиям и практическим нуждам страны в эпоху зрелого социализма.

Одна из важнейших прикладных задач языкознания — развитие культуры языковой деятельности. Культура (от лат. *colere* — «ухаживать», «обрабатывать», «совершенствовать», «иметь попечение», «заботиться», «окружить вниманием», «почитать», «уважать») — первоначально обработка земли и уход за ней, с тем чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. В широком переносном смысле культура — совокупность достижений и проявлений творчества народа в области его материальной и духовной жизни. С точки зрения содержания культура распадается на различные сферы, в ряду которых выделяют язык и письменность.

История всякого языка отражает не только социальную историю народа, но и все важнейшие этапы его культурного развития. Более того, самый уровень культуры народа во многом определяется степенью развитости языка: наличием у него письменной формы, богатством функций в соответствии с многообразием сфер человеческой деятельности, потенциалом стилистических средств на все случаи частной и общественной жизни, художественного и научного творчества, способностью служить средством национального, межнационального и международного общения и т. д.

В современном мире вопросы культуры народов особенно тесно увязываются с языковым развитием. Всеобщий интерес к проблеме «язык и культура» можно объяснить двумя обстоятельствами: это связано, во-первых, с победой национально-освободительных движений на рубеже 50—60-х гг. нашего века и возникновением новых независимых государств; во-вторых, с расширением и углублением экономических связей в мире и вовлечением развивающихся стран в научно-технический прогресс. Оба эти фактора поставили перед многими странами мира задачу ликвидации неграмотности, т. е. породили стремление положить начало процессу непрерывного образования самых широких народных масс. В этом процессе подготовки начального этапа образования, которое продолжается всю жизнь, заметная роль отводится национальным кадрам языковедов.

История показывает, что в мире существовали богатые культуры, не имевшие письменности, но именно с момента своего возникновения она стала важнейшим средством культурного развития. Именно благодаря письменности народы получили возможность бесконечного самосовершенствования в сфере культуры, ибо письменность, одно из величайших и созидательных изобретений человека, сохраняя наиболее ценное из своего культурного наследия, может обеспечивать без ограничений во времени и пространстве непрерывное общение с другими культурами. Грамотность, т. е. владение письменностью, должна рассматриваться как настоятельная потребность современного человека хотя бы потому, что она открывает ему дорогу к прогрессу. На этом пути развивающиеся страны встречают немало трудностей. Так, во многих из них до сих пор не решен вопрос о языке обучения даже в начальной школе, острой проблемой является использование учебных программ в целях сохранения и укрепления национальной самобытности. В этих условиях советский опыт языковой политики и языкового строительства, накопленный в ходе выполнения ленинского плана культурной революции, и деятельность наших языковедов приобретают значение идеального образца разрешения национально-языковых проблем.

В общей проблеме «язык и культура» есть более частная, но очень важная сторона, на которую языковеды всегда обращали самое пристальное внимание, — это борьба за культуру речи в обществе и в речевой деятельности каждого из нас: от школьника до маститого писателя, от главного конструктора до рабочего космодрома, от хлебороба до ученого-селекционера.

Можно сказать, что вся жизнь языка и обращение с ним (языковая практика) есть непрерывное создание и поиски более близких к истине выражений мысли, чувства, переживания. Что из того, что это трудно достижимо! Главное здесь, что движение это бесконечно и беспредельно. Не в этом ли причина развития языка, параллельная развитию человечества? Достоевский устами Версилова в «Подростке» высказал очень важное суждение: «А, и ты иногда страдаешь,

что мысль не пошла в слова! Это благородное страдание, мой друг, и дается лишь избранным; дурак всегда доволен тем, что сказал». Сказано, как это часто бывает у Достоевского, резко, но справедливо и очень емко. О чем здесь говорится? О том, что мысль крепко-накрепко связана со словом, что выразить ее в слове дело нелегкое, требующее усилий, мучительных поисков наилучшего выражения, и с которым преувеличением, также свойственным писателю, названо любимым им словом «страдание». Причем страдание благородное. Этим самым оно как бы приравнивается к поступку, который, кстати, всегда совершается не для себя, а для других, во имя другого.

Если выразить мысль Достоевского в терминах современной лингвистики, то можно сказать, что писатель дает нам модель акта речевого общения, в котором участвует говорящий, который имеет намерение выразить свою мысль, и слушающий, который должен ее понять в соответствии с намерением «отправителя речи». Эта модель в главном действительна и для обычной ситуации разговора, и для такой высокой формы общения, которая осуществляется с помощью литературного произведения, будь то роман, повесть или басня. Ведь в них есть автор («говорящий»), который хочет нечто выразить, и адресат («слушающий»), т. е. читатель.

Мысль (чувство, переживание) может «пойти в слова» лишь в том случае, если человек обладает культурой словесного выражения, культурой речевого общения и, разумеется, культурой мысли. Очевидно, в этом ключе надо понимать слово «избранные», которым только и дано, по выражению Достоевского, «благородное страдание». Эти требования предъявляются не только к таким формам, как литературное творчество, но и к самому обычному (содержательному, конечно) разговору.

Плохо выраженная мысль — это не только лень речевых усилий, но и лень мысли или неумение мыслить. Неумение именовать предметы — это и незнание их. А без этого «глохнет» не только самый обычный разговор, но не может существовать и поэзия. Большой ущерб общению наносит клишированная, штампованная речь, достигающая предела допустимости в жаргоне. Выражаясь языком кибернетики, использование штампов не дает сколько-нибудь ценной информации, повторение клише не означает увеличения количества информации, но свидетельствует об ее избыточности.

Службу языка ревниво несут языковеды, неумолимые составители грамматик и словарей национального языка, рассматривая этот вид своей деятельности как важнейшую научно-практическую работу. Она требует необычайной широты взглядов на развитие языка и культуры в обществе, дара улавливания едва зарождающихся тенденций языкового развития, умения дать обществу определенные ценностные ориентации в употреблении языковых форм, самоограничения в личных вкусах и предпочтениях во имя выработки безупречных общенародных норм эстетики языка и, конечно же, бескорыстной любви к своему предмету. На этих широких и твердых принципах всегда строилась защита языка. Писатели постоянно напоминают нам и своим творчеством, и прямыми высказываниями о нашем общем национальном долге. Вспомним слова Тургенева: «Берегите же наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием...» Подобные заповеди следует усвоить всем. Сознательное вмешательство в жизнь языка оправдано тем, что при всей целесообразности его саморазвития процесс этот протекает негладко, языковая экология так же сложна, хрупка и деликатна, как экология природная. В сфере языка это было замечено намного раньше, чем в области природы...

Наука как совокупность знаний о предмете лишена эмоций. И все же можно сказать, что проблемы языка не только научно изучаются, но и эмоционально переживаются. Собственно, эмоцию вызывают не научные знания о языке, а сам язык. Неумение объяснить механизмы его деятельности, творческие начала, заложенные в нем, обилие функций, ему присущих, универсальность средств для осмысления мира и человека в нем — все это дает право непосвященному считать язык чудом из чудес. Чудом всегда называли и называют то, что кажется крайне удивительным и совершенно непонятным, но не будет преувеличением сказать, что всякая тайна означает только наше незнание предмета.

Другие эмоции и переживания возникают в связи с ревнивым отношением к своему родному языку, и чувства эти вспыхивают тогда, когда его пытаются отнять у народа или чем-нибудь унижить этот язык, представить его неполноценным, недоразвитым, грубым, «деревенским», неотесанным. Наука о языке развенчивает подобные предубеждения, решительно утверждая, что квалификации «лучше», «хуже» по отношению к языкам неприменимы. Это так же бессмысленно, как если бы мы стали утверждать, что роза лучше кристалла, пчела лучше розы, а все они хуже морского котика или гладиолуса. Это вовсе не значит, что языки не эволюционируют. Эволюция же может идти в двух направлениях: в сторону развития, совершенствования и в сторону заката, отмирания и даже смерти. Оба эти процесса определяются состоянием общества, которое язык обслуживает.

Язык обладает удивительной способностью приспосабливаться к жизни его носителей, отвечать на их запросы, усложнять свою структуру в соответствии с развитием общества и вместе с тем оказывать влияние на совершенствование самого общественного устройства.

Это понимание сопряженности, согласия, соответствия жизни общества и жизни языка позволяет мысленно вычертить привилегированную, идущую вверх линию развития человечества и, следовательно, человеческой речи от истоков до современности в их тесном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии.

Академик Г. В. СТЕПАНОВ

А

АГВАНСКОЕ ПИСЬМО. ПОПЫТКИ ЕГО ДЕШИФРОВКИ

Агванское (кавказско-албанское) письмо — под этим термином принято понимать особую систему алфавитного письма, использовавшего в сильно преобразованном виде арамейскую графическую основу. Это письмо применялось в раннем средневековье в Агвании, т. е. на территории, охватывавшей север и запад Азербайджана, а также южную половину Дагестана. Историческая традиция утверждает, что агванское письмо было создано примерно в одно время с грузинским и армянским, в V в. н. э., тогда же на нем возникла литература. Предполагается, в частности, что к середине VII столетия в Агвании уже были переведены основные книги христианского вероучения. Имеется прямое указание на то, что один из памятников древнеармянской литературы был в свое время переведен с агванского оригинала. Более того, известны две армянские рукописи XV и XVI вв., содержащие довольно искаженный список агванского алфавита.

Однако исторические судьбы Агвании, подвергавшейся начиная с VII в. многократным и опустошительным нашествиям, привели к утрате памятников письменности (наиболее позднее упоминание об их существовании относится к VIII столетию). Начавшиеся еще с первой половины прошлого века поиски этих памятников долго оставались безуспешными. Они стали выявляться только с конца 40-х гг. нашего века, когда в ходе строительства Мингечаурской гидроэлектростанции подверглась археологическому обследованию обширная площадь в долине реки Куры, позднее затопленная. К настоящему времени в распоряжении ученых имеется все еще очень незначительная по своему объему группа письменных памятников, относящихся к VI—IX вв. и хранящихся главным образом в Музее истории Азербайджана (г. Баку). Среди них — круговая надпись на плите с изображением павлинов из Мингечаура, а также несколько коротких текстов на обломках керамики и на каменных табличках.

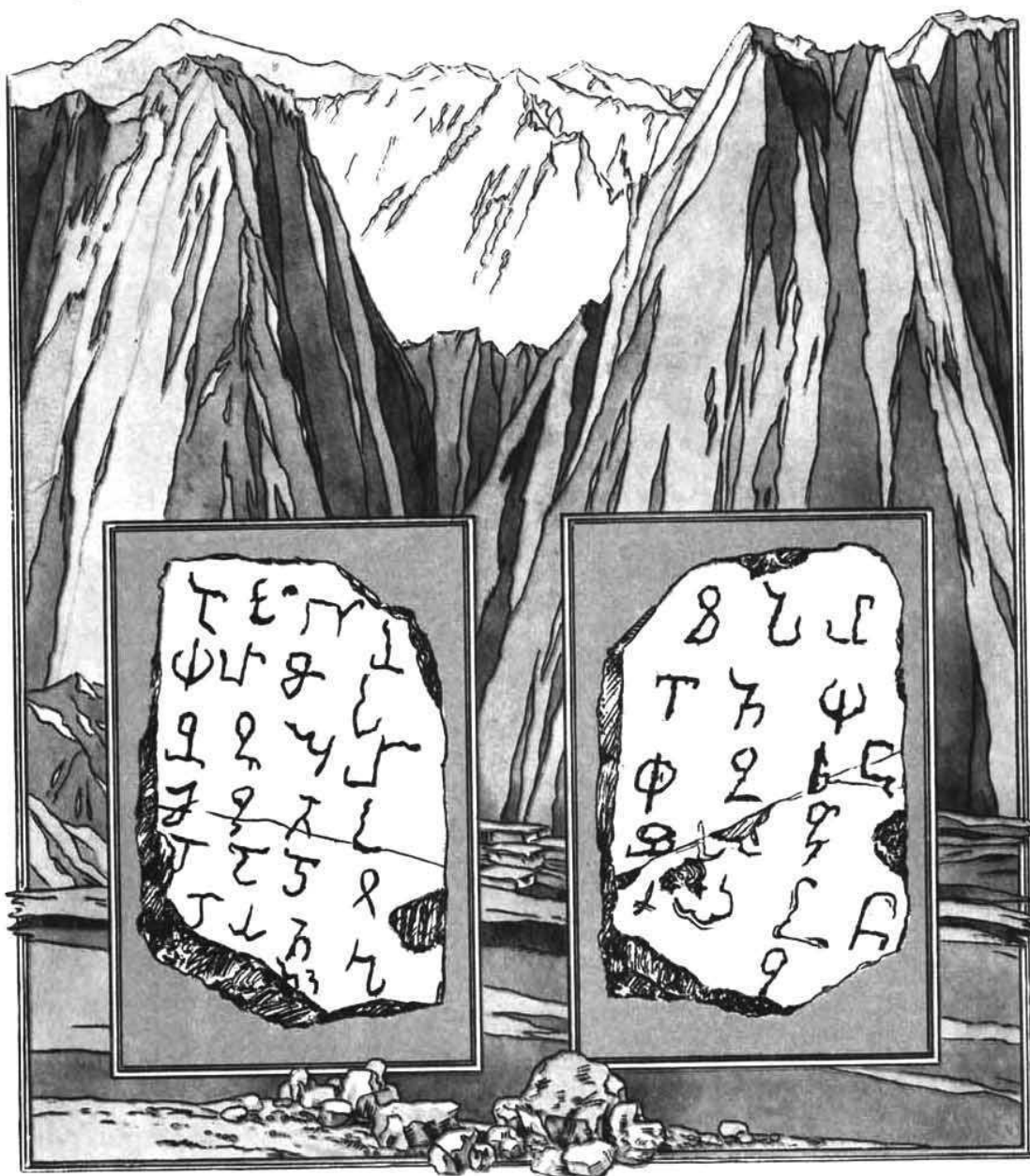
Несмотря на наличие рукописного списка алфавита, дешифровка агванского письма крайне затруднена. Судя по всему, агванский алфавит состоял из 52 букв. Порядок их следования, названия некоторых из них, а также

АГВАНСКИЙ АЛФАВИТ

ღ	a	?		Ե	č?
Ե	b	Ե		Ե	
Ը	g	Ը	k?	Ե	
Զ	d	Լ		ღ	p
Ե	e	Լ	h?	Ե	ž?
Յ	z	Կ		Լ	r
Ը	ę	?		Ե	s
Բ	ə	Լ		Ե	
Զ	t	Ե	č?	Զ	t?
Լ	ž	Ե		Զ	
Ե	j	Լ	m	Ե	o
?		Ե		Լ	
Լ	i	Լ	n	Ե	c?
?		Ե		Ե	w
?		Ե	š?	Կ	f
?		Լ		Լ	k
Զ	x	Ե	o	Ե	u
?		ž		Ե	u

Памятник агванской письменности, найденный при раскопках в горах Дагестана.

основные принципы письма сближают агванское письмо с грузинским и армянским. Наряду с согласными, отдельными буквами передавались в нем и гласные. Направление письма было слева направо. Некоторые гласные передавались сочетанием букв *O* и *W* (как в греческом). Все вместе эти особенности приводят к предположению об участии в разработке агванского письма просветителей грекофильской школы.

В различных исторических свидетельствах единодушно отмечается, что потомками агванцев являются современные удины — неболь-

шая народность (3,7 тыс. говорящих), населяющая ныне всего несколько сел на северо-западе Азербайджанской ССР и одно село на востоке Грузинской ССР. Удинский язык относится к лезгинской группе языков Кавказа. Действительно, его звуковой состав включает всего около 50 фонем, что приближается к числу букв агванского алфавита. Историческая традиция описывает язык агванцев как богатый гортанными звуками, что опять-таки напоминает удинский язык. Часть из дошедших до нас агванских названий месяцев также удастся разяснить при помощи современного удин-